

Дорогие уроки

Для человека образованного незнание языков составляет большое неудобство. Воротов сильно почувствовал это, когда, выйдя из университета со степенью кандидата, занялся маленькой научной работкой.

Это ужасно! говорил он, задыхаясь (несмотря на свои 26 лет, он пухл, тяжел и страдает одышкой). Это ужасно! Без языков я, как птица без крыльев. Просто хоть работу бросай.

И он решил во что бы то ни стало побороть свою врожденную лень и изучить французский и немецкий языки, и стал искать учителей.

В один зимний полдень, когда Воротов сидел у себя в кабинете и работал, лакей доложил, что его спрашивает какая-то барышня.

Проси, сказал Воротов.

И в кабинет вошла молодая, по последней моде, изысканно одетая барышня.

Она отрекомендовалась учительницей французского языка Алисой Осиповной Анкет и сказала, что ее прислал к Воротову один из его друзей.

Очень приятно! Садитесь! сказал Воротов, задыхаясь и прикрывая ладонью воротник своей ночной сорочки. (Чтобы легче дышалось, он всегда работает к ночной сорочке.) Вас прислал ко мне Петр Сергеич? Да, да... я просил его...

Очень рад!

Договариваясь с m-lle Анкет, он застенчиво и с любопытством поглядывал на нее. Это была настоящая, очень изящная француженка, еще очень молодая.

По лицу, бледному и томному, по коротким кудрявым волосам и неестественно тонкой талии ей можно было дать не больше 18 лет; взглянув же на ее широкие, хорошо развитые плечи, на красивую спину и строгие глаза, Воротов подумал, что ей, наверное, не меньше 23 лет, быть может, даже все 25; но потом опять стало казаться, что ей только 18. Выражение лица у нее было холодное, деловое, как у человека, который пришел говорить о деньгах. Она ни разу не улыбнулась, не нахмурилась, и только раз на ее лице мелькнуло недоумение, когда она узнала, что ее пригласили учить не детей, а взрослого, толстого человека.

Итак, Алиса Осиповна, говорил ей Воротов, мы будем заниматься ежедневно от семи до восьми вечера. Что же касается вашего желания получать по рублю за урок, то я ничего не имею возразить против. По рублю так по рублю...

И он еще спросил у нее, не хочет ли она чаю или кофе, хороша ли на дворе погода, и, добродушно улыбаясь, поглаживая ладонью сукно на столе, дружелюбно осведомился, кто она, где кончила курс и чем живет.

Алиса Осиповна с холодным, деловым выражением ответила ему, что она кончила курс в частном пансионе и имеет права домашней учительницы, что отец ее недавно умер от скарлатины, мать жива и делает цветы, что она, m-lle Анкет, до обеда занимается в частном пансионе, а после обеда, до самого вечера, ходит по хорошим домам и дает уроки.

Она ушла, оставив после себя легкий, очень нежный запах женского платья. Воротов долго потом не работал, а, сидя у стола, поглаживал ладонями зеленое сукно и размышлял.

Очень приятно видеть девушек, зарабатывающих себе кусок хлеба, думал он. С другой же стороны, очень неприятно видеть, что нужда не щадит даже таких изящных и хорошеньких девиц, как эта Алиса Осиповна, и ей также приходится вести борьбу за существование. Беда!..

Он, никогда не выдавший добродетельных француженок, подумал также, что эта изящно одетая Алиса Осиповна, с хорошо развитыми плечами и с преувеличенно тонкой талией, по всей вероятности, кроме уроков, занимается еще чем-нибудь.

На другой день вечером, когда часы показывали без пяти минут семь, пришла Алиса Осиповна, розовая от холода; она раскрыла Margot, которого принесла с собой, и начала без всяких предисловий:

Французская грамматика имеет 26 букв. Первая буква называется А, вторая В...

Виноват, перебил ее Воротов, улыбаясь. Я должен предупредить вас, мадмуазель, что лично для меня вам придется несколько изменить ваш метод. Дело в том, что я хорошо знаю русский, латинский и греческий языки... изучал сравнительное языковедение, и, мне кажется, мы можем, минуя Margot, прямо приступить к чтению какого-нибудь автора.

И он объяснил француженке, как взрослые люди изучают языки.

Один мой знакомый, сказал он, желал изучить новые языки, положил перед собой французское, немецкое и латинское евангелия, читал их параллельно, причем кропотливо разбирал каждое слово, и что ж? Он достиг своей цели меньше чем в один год. Сделаем и мы так. Возьмем какого-нибудь автора и будем читать.

Француженка с недоумением посмотрела на него. По-видимому, предложение Воротова показалось ей очень наивным и вздорным. Если бы это странное предложение было сделано малолетним, то, наверное, она рассердилась бы и крикнула, но так как тут был человек взрослый и очень толстый, на которого нельзя было кричать, то она только пожала плечами едва заметно и сказала: Как хотите.

Воротов порылся у себя в книжном шкапу и достал оттуда истрепанную

французскую книгу.

Это годится? спросил он.

Всё равно.

В таком случае давайте начинать. Господи благослови. Начнем с заглавия... Mmoires.

Воспоминания... перепела m-lle Анкет.

Воспоминания... повторил Воротов.

Добродушно улыбаясь и тяжело дыша, он четверть часа провозился со словом mmoires и столько же со словом de, и это утомило Алису Осиповну. Она отвечала на вопросы вяло, путалась и, по-видимому, плохо понимала своего ученика и не старалась понять. Воротов предлагал ей вопросы, а сам между тем поглядывал на ее белокурую голову и думал:

Ее волосы кудрявы не от природы, она завивается. Удивительно. Работает с утра до ночи и успевает еще завиваться.

Ровно в восемь часов она поднялась и, сказав сухое, холодное au revoir, monsieur¹, пошла из кабинета; и после нее остался всё тот же нежный, тонкий, волнующий запах. Ученик опять долго ничего не делал, сидел у стола и думал.

В следующие за тем дни он убедился, что его учительница барышня милая, серьезная и аккуратная, но что она очень необразованна и учить взрослых не умеет; и он решил не тратить попусту времени, расстаться с ней и пригласить другого учителя. Когда она пришла в седьмой раз, он достал из кармана конверт с семью рублями и, держа его в руках, очень сконфузился и начал так:

Извините, Алиса Осиповна, но я должен вам сказать... поставлен в тяжелую необходимость...

Взглянув на конверт, француженка догадалась, в чем дело, и в первый раз за всё время уроков ее лицо дрогнуло и холодное, деловое выражение исчезло. Она слегка зарумянилась и, опустив глаза, стала нервно перебирать пальцами свою тонкую золотую цепочку. И Воротов, глядя на ее смущение, понял, как для нее дорог был рубль и как ей тяжело было бы лишиться этого заработка. Я должен вам сказать... пробормотал он, смущаясь еще больше, и в груди у него что-то екнуло; он торопливо сунул конверт в карман и продолжал:

Извините, я... я оставляю вас на десять минут...

И делая вид, что он вовсе не хотел отказывать ей, а только просил позволения оставить ее ненадолго, он вышел в другую комнату и высидел там десять минут. И потом вернулся еще более смущенный; он сообразил, что этот его уход на короткое время она может объяснить как-нибудь по-своему, и ему было неловко.

Уроки начались опять.

Воротов занимался уж без всякой охоты. Зная, что из занятий не выйдет никакого толку, он дал француженке полную волю, уж ни о чем не спрашивал ее и не перебивал. Она переводила как хотела, по десяти страниц в один урок, а он не слушал, тяжело дышал и от нечего делать рассматривал то кудрявую головку, то шею, то нежные белые руки, вдыхал запах ее платья...

Он ловил себя на нехороших мыслях, и ему становилось стыдно, или же он умилялся и тогда чувствовал огорчение и досаду оттого, что она держала себя с ним так холодно, деловито, как с учеником, не улыбаясь и точно боясь, как бы он не прикоснулся к ней нечаянно. Он всё думал: как бы так внушить ей доверие, познакомиться с нею покороче, потом помочь ей, дать ей понять, как дурно она преподает, бедняжка.

Алиса Осиповна явилась однажды на урок в нарядном розовом платье, с маленьким декольте, и от нее шел такой аромат, что казалось, будто она окутана облаком, будто стоит только дунуть на нее, как она полетит или рассеется, как дым. Она извинилась и сказала, что может заниматься только полчаса, так как с урока пойдет прямо на бал.

Он смотрел на ее шею и на спину, оголенную около шеи, и, казалось ему, понимал, отчего это француженки пользуются репутацией легкомысленных и легко падающих созданий; он тонул в этом облаке ароматов, красоты, наготы, а она, не зная его мыслей и, вероятно, нисколько не интересуясь ими, быстро перелистывала страницы и переводила на всех парах:

Он ходил на улице и встречал господина своего знакомого и сказал: Куда вы устремляетесь, видя ваше лицо такое бледное, это делает мне больно.

Mmoires давно уже были кончены, и теперь Алиса переводила какую-то другую книгу. Раз она пришла на урок часом раньше, извиняясь тем, что в семь часов ей нужно ехать в Малый театр. Проводив ее после урока, Воротов оделся и тоже поехал в театр. Он поехал, как казалось ему, только затем, чтобы отдохнуть, развлечься, а об Алисе у него не было и мыслей. Он не мог допустить, чтобы человек серьезный, готовящийся к ученой карьере, тяжелый на подъем, бросил дело и поехал в театр только затем, чтобы встретиться там с малознакомой, не умной, малоинтеллигентной девушкой...

Но почему-то в антрактах у него билось сердце, он, сам того не замечая, как мальчик бегал по фойе и по коридорам, нетерпеливо отыскивая кого-то; и ему становилось скучно, когда антракт кончался; а когда он увидел знакомое розовое платье и красивые плечи под тюлем, сердце его сжалось, точно от предчувствия счастья, он радостно улыбнулся и первый раз в жизни испытал ревнивое чувство.

Алиса шла с какими-то двумя некрасивыми студентами и с офицером. Она хохотала, громко говорила, видимо, кокетничала; такую никогда не видел ее

Воротов. Очевидно, она была счастлива, довольна, искренна, тепла. Отчего? Почему? Оттого, быть может, что эти люди были близки ей, из того же круга, что и она... И Воротов почувствовал страшную пропасть между собой и этим кругом. Он поклонился своей учительнице, но та холодно кивнула ему и быстро прошла мимо; ей, по-видимому, не хотелось, чтобы ее кавалеры знали, что у нее есть ученики и что она от нужды дает уроки.

После встречи в театре Воротов понял, что он влюблен... Во время следующих уроков, пожирая глазами свою изящную учительницу, он уже не боролся с собою, а давал полный ход своим чистым и нечистым мыслям. Лицо Алисы Осиповны не переставало быть холодным, ровно в восемь часов каждого вечера она спокойно говорила *au revoir, monsieur*, и он чувствовал, что она равнодушна к нему и будет равнодушной и положение его безнадежно. Иногда среди урока он начинал мечтать, надеяться, строить планы, сочинял мысленно любовное объяснение, вспоминал, что француженки легкомысленны и податливы, но достаточно ему было взглянуть на лицо учительницы, чтобы мысли его мгновенно потухли, как потухает свеча, когда на даче во время ветра выносишь ее на террасу. Раз, он, опьянев, забывшись, как в бреду, не выдержал и, загораживая ей дорогу, когда она выходила после урока из кабинета в переднюю, задыхаясь и заикаясь, стал объясняться в любви:

Вы мне дороги! Я... я люблю вас! Позвольте мне говорить!

А Алиса побледнела вероятно от страха, соображая, что после этого объяснения ей уж нельзя будет ходить сюда и получать рубль за урок; она сделала испуганные глаза и громко зашептала:

Ах, это нельзя! Не говорите, прошу вас! Нельзя!

И потом Воротов не спал всю ночь, мучился от стыда, бранил себя, напряженно думал. Ему казалось, что своим объяснением он оскорбил девушку, что она уже больше не придет к нему.

Он решил узнать утром в адресном столе ее адрес и написать ей извинительное письмо. Но Алиса пришла и без письма. Первую минуту она чувствовала себя неловко, но потом раскрыла книгу и стала переводить быстро и бойко, как всегда:

О, молодой господин, не разрывайте эти цветы в моем саду, которые я хочу давать своей больной дочери...

Ходит она до сегодня. Переведены уже четыре книги, а Воротов не знает ничего, кроме слова *mtoires*, и когда его спрашивают об его научной работке, то он машет рукой и, не ответив на вопрос, заводит речь о погоде. до свиданья (франц.).